BANUCKU UUMK PAH

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

TRANSACTIONS

OF THE INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

No. 19

ЗАПИСКИ

ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

№ 19

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2018. № 19. 206 с.

ISSN 2310-6557

Transactions of the Institute for the History of Material Culture. St. Petersburg: IHMC RAS, 2018. No. $19.206 \, p$.

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (гл. редактор), В. А. Алёкшин, С. В. Белецкий, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора), А. К. Очередной

Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, M. Yu. Vakhtina, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), A. K. Otcherednoi

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, В. Я. Стёганцева, Е. В. Новгородских

Publishing group: L. B. Kircho, V. Ya. Stegantseva, E. V. Novgorodskikh

В № 19 «Записок ИИМК РАН» представлены научные работы, отражающие новейшие открытия и исследования в области археологии и древней истории. Раздел «Статьи» открывает серия работ С. Н. Астахова, П. Е. Нехорошева и А. К. Каспарова по проблемам палеолита Сибири. Л. Б. Вишняцкий на материалах неолита западной части Евразии приводит аргументы в пользу гипотезы об учащении и ужесточении вооруженных конфликтов по мере становления и развития производящего хозяйства. В статье Л. Б. Кирчо прослежены истоки контактов Южного Туркменистана и Южного Таджикистана в эпоху бронзы. Д. Г. Савинов и В. В. Бобров публикуют эталонный памятник андроновской культуры. В еще одной статье Д. Г. Савинов сформулировал гипотезу образования скифо-сибирского культурного пространства. М. Т. Кашуба обосновывает конвергентное появление ранних фибул Кавказа. В обширной работе А. Лухтанаса и О. В. Полякова развенчивается гипотеза о миграциях западнобалтского племени галиндов в Западную Европу. В статье Е. Н. Носова и Н. В. Хвощинской на широком историческом фоне прослежена судьба княжеского храма начала XI в. на Рюриковом городище под Новгородом. Изучению Старой Ладоги посвящены работы А. Н. Кирпичникова, В. А. Лапшина, Н. В. Григорьевой и П. А. Миляева. А.И.Сакса реконструирует историю застройки одного из участков Выборга на протяжении XV начала XVIII вв. В разделе «Рецензии» проведен подробный разбор двухтомной публикации материалов уникального древнерусского некрополя X — начала XI в. на территории Пскова.

Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музееведам, студентам исторических факультетов вузов.

The papers included in the 19th issue of the "Transactions of IHMC RAS" reflect recent discoveries and advances in archaeology and ancient history. The section of Research Papers opens with a series of works by S. N. Astakhov, P. E. Nehoroshev and A. K. Kasparov devoted to the problems of the Paleolithic of Siberia. L. B. Vishnyatsky uses the materials from the Neolithic of Western Eurasia to argue in favor of the hypothesis which links the increase in frequency and scale of armed conflicts with the formation and development of producing economy. The paper by L. B. Kircho traces the beginnings of contacts between South Turkmenistan and South Tajikistan in the Bronze Age. D. G. Savinov and V. V. Bobrov describe an important site of the Andronovo culture. In another paper, D. G. Savinov presents his hypothesis of the formation of the Scythian-Siberian cultural space. M. T. Kashuba makes the case for convergent appearance of the earliest fibulae in the Caucasus. The extensive paper by A. Luchtanas and O. V. Poljakov debunks the hypothesis that the West Baltic tribe of Galindans migrated to the west of Europe. E. N. Nosov and N. V. Khvoshchinskaya elucidate the history of the princely Church of Annunciation built in the early XI c. at Ryurik Gorodishche near Novgorod. The works by A. N. Kirpichnikov, V. A. Lapshin, N. V. Grigorieva and P. A. Milyaev deal with the study of Staraya Ladoga. A. I. Saksa reconstructs the building history of a homesite in Vyborg during the XV — early XVIII c. The section of Reviews contains a detailed analysis of the two-volume publication of materials from the unique Old Russian necropolis of the X — early XI c. in the city of Pskov.

The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

© Институт истории материальной культуры РАН, 2018

© Авторы статей, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

С. Н. Астахов, П. Е. Нехорошев. Новые находки палеолита в Туве	7
С. Н. Астахов. Шурфы-шахты для добычи каменного сырья в палеолите на Титовской Сопке	13
А. К. Каспаров, П. Е. Нехорошев. К вопросу о возрасте и типе верхнепалеолитических памятников Берёзовский разрез 1 и 2	20
Л. Б. Вишняцкий. Наконечники в костях. База данных для позднего каменного века западной Евразии	36
Л. Б. Кирчо. Путь на восток (контакты Южного Туркменистана и Южного Таджикистана в III тыс. до н. э.)	56
Д. Г. Савинов. В. В. Бобров. Эталонный памятник андроновской культуры в Кемеровской области	70
М. Т. Кашуба. Ранние фибулы Кавказа в работах Ю. Н. Воронова	80
Д. Г. Савинов. К теории образования скифо-сибирского культурного пространства	91
<i>И. Ю. Шауб.</i> О ритуальной функции веретена из погребения «царицы» в кургане Куль-Оба	103
А. Лухтанас, О. В. Поляков. Галинды на просторах Европы — археологическая, историческая, лингвистическая реальность или вымысел?	112
Е. Н. Носов, Н. В. Хвощинская. Древний ров Рюрикова городища и судьба княжеского храма Благовещения 1103 г.	. 137
А. Н. Кирпичников, В. А. Лапшин, Н. В. Григорьева. Об одном типе построек раннесредневековой Ладоги	148
$B.\ A.\ Лапшин,\ \Pi.\ A.\ Миляев.$ Новые исследования на Варяжской улице в Старой Ладоге	157
С. В. Белецкий. Граффито из собора Юрьева монастыря близ Новгорода	165
А. И. Сакса. Выборг, строительная история межевого участка у дома 8 по ул. Выборгская	173
РЕЦЕНЗИИ	
Е. Н. Носов, Н. В. Хвощинская. Открытия погребальных памятников на территории г. Пскова (на пороге археологической сенсации)	191
AD MEMORIA	
С. В. Красниенко. Памяти Э. Б. Вадецкой (1936–2018)	202
Список сокращений	
~~-~~	

CONTENS

RESEARCH PAPERS

S. N. Astakhov, P. E. Nehoroshev. New discoveries of Paleolithic sites in Tuva	7
S. N. Astakhov. Paleolithic stone quarry mines on Titovskaya Sopka	13
A. K. Kasparov, P. E. Nehoroshev. On the age and type of the Upper Paleolithic sites Berezovs razrez 1 and Berezovskiy razrez 2	
L. B. Vishnyatsky. Projectiles in bones. A database for the Late Stone Age of Western Eurasia	36
L. B. Kircho. Road to the east (contacts between South Turkmenistan and South Tajikistan in the III millennium BC)	56
D. G. Savinov, V. V. Bobrov. Reference site of the Andronovo culture in the Kemerovo oblast	70
M. T. Kashuba. Early Caucasian fibulae in Yu. N. Voronov's works	80
D. G. Savinov. Towards the theory of formation of the Scythian-Siberian cultural space	91
I. Yu. Schaub. On the ritual function of the spindle from the "Queen" burial in the Kul-Oba barrow	103
A. Luchtanas, O. V. Poljakov. Galindans on the expanses of Europe — archaeological, historical, linguistic reality or fiction?	112
E. N. Nosov, N. V. Khvoshchinskaya. Ancient ditch of Ryurik Gorodishche and the destiny of the princely Church of Annunciation built in 1103	137
A. N. Kirpichnikov, V. A. Lapshin, N. V. Grigorieva. About one type of buildings in Early Medieval Ladoga	148
V. A. Lapshin, P. A. Milyaev. New research on Varyazhskaya street in Staraya Ladoga	157
S. V. Beletsky. Graffito from the Cathedral of the Yuriev monastery near Novgorod	165
A. I. Saksa. Vyborg: the construction history of a boundary area near building No. 8 on Vyborgskaya street	173
BOOK REVIEWS	
E. N. Nosov, N. V. Khvoshchinskaya. Discoveries of burial sites on the territory of Pskov (on the threshold of an archaeological sensation)	191
AD MEMORIA	
S. V. Krasnienko. To the memory of E. B. Vadetskaya (1936–2018)	202
List on abbriviations	204

К ТЕОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ СКИФО-СИБИРСКОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Д. Г. САВИНОВ¹

Ключевые слова: скифская культура, происхождение, раннескифский культурный комплекс, хронология, предметы вооружения, снаряжение верхового коня, звериный стиль, культурный круг.

Проблема формирования скифо-сибирского культурного пространства до сих пор не имеет однозначного решения. В качестве одной из гипотез автор предлагает следующую реконструкцию. Происхождение раннескифского культурного комплекса связано с глубинными районами Центральной Азии и Северного Китая, где имеются типологические предшественники большинства составляющих его элементов. Распространение сложившегося раннескифского культурного комплекса рассматривается в русле теории «культурных кругов». Выделяются десять культурных кругов со своими процессами культурогенеза: три большие (центральноазиатский, казахстанский, причерноморский) и семь отраженные от них малые. При движении с востока на запад общий период их формирования охватывает 120–150 лет истории степной Евразии. Носителем основных элементов раннескифского культурного комплекса и, соответственно, знаменитой «скифской триады» (при сохранении местных особенностей антропологического типа, керамики, погребального обряда и прочее) были отряды вооруженных всадников, что обусловило существование ряда культур скифского типа, заполнивших единое скифо-сибирское культурное пространство.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-19-91-102

«Скифский мир», «скифо-сибирский мир», «скифо-сакский мир», «скифо-сибирское культурно-историческое единство» — общеизвестные понятия, определяющие удивительное культурно-историческое явление в истории древнего населения Евразии, положившее начало степной цивилизации. Несмотря на длительный период изучения, с познанием «скифского» культурогенеза связано еще много нерешенных вопросов. Важнейшие из них — определение истоков раннескифского культурного комплекса и особенности формирования скифо-сибирского культурного пространства, протянувшегося от западных провинций Китая до восточных отрогов Балкан. Историография «скифской» проблемы чрезвычайно обширна (исследования М. И. Артамонова, Б. Н. Гракова, Д. С. Раевского, И. В. Яценко, Н. Л. Членовой, М. П. Грязнова, Р. Б. Исмагилова, Л. Т. Яблонского, В. Р. Эрлиха, В. Ю. Мурзина,

 $^{^1}$ Кафедра археологии, Институт истории, СПбГУ, 190034, Санкт-Петербург, Россия.

А. И. Тереножкина, В. А. Ильинской, А. И. Мартынова, Г. Н. Курочкина и др.) и требует отдельного рассмотрения, что не входит в рамки настоящей работы.

Происхождение раннескифского культурного комплекса (далее — РСКК) обычно сводится к поискам истоков так называемой скифской триады, включающей определенные виды предметов вооружения (в первую очередь акинаки и характерные типы наконечников стрел); определенные формы предметов снаряжения верхового коня (в первую очередь удила со стремявидными окончаниями и стержневые псалии); изображения скифо-сибирского звериного стиля с присущими для его ранних образцов особенностями. Позже к ним добавились зеркала «с бортиком» и котлы «скифского типа». Однако общая картина от этого не изменилась: ни в одной культуре предшествующего времени типологических предшественников подобного рода изделий «в полном наборе» до сих пор не обнаружено.

Предложенные варианты решения данной проблемы можно рассматривать с моноцентрической и полицентрической точек зрения. Моноцентрических точек зрения (или теорий) две — переднеазиатская и центральноазиатская. Та и другая исходят из неясного указания Геродота о том, что скифы — это народ, который «пришел из Азии»; при этом какая именно часть Азии имеется в виду, не уточняется. Согласно переднеазиатской теории, во время пребывания на Ближнем Востоке (по данным письменных источников, с 684 г. до н. э. — первое появление на границах Урарту; до 585 г. до н. э. — изгнание из Малой Азии) скифы заимствовали из ближневосточной изобразительной традиции изображения животных, которые здесь (в надгробных барельефах, на печатях и предметах торевтики) давно были известны. После возвращения на родину, в Причерноморье, они приспособили воспринятые из переднеазиатского искусства зооморфные образы к своему степному образу жизни и «по-своему» мифологизировали их в соответствии с уже сложившимися представлениями. О переднеазиатских истоках других компонентов РСКК в данном случае речь не идет.

Согласно центральноазиатской теории, искусство звериного стиля зародилось в глубинах Центральной Азии в среде местных кочевых племен значительно раньше, чем их потомки оказались в Передней Азии. Это подтверждают материалы известных в настоящее время в Центральной Азии археологических памятников с их значительно более ранними датировками (вплоть до рубежа IX–VIII вв. до н. э.). Отсюда происходят и другие компоненты «скифской триады» (бронзовые акинаки и предметы снаряжения верхового коня), что делает эту теорию наиболее убедительной.

Согласно полицентрической теории, представляющей, пожалуй, в нашей литературе последний пример формационного взгляда на историю, появление РСКК было связано с эпохальными изменениями в обществе. А именно переходом к полукочевому скотоводству, вызвавшему коренную ломку всей системы социально-экономических отношений и всеобщую «милитаризацию», когда, по словам Ф. Энгельса, «каждый мужчина в племени был воином». В свою очередь, это обусловило создание новой идеологии, следствием чего стало появление героического эпоса и соответствующего эпохе звериного стиля с его культом силы (хищный зверь), сценами борьбы и терзания зверей и т. д. Происходило это, согласно полицентрической теории, повсеместно, в разных культурных областях и археологически неуловимо.

Ни одна из данных точек зрения не опровергает другую, так как строится на разных основаниях. Создается впечатление их параллельного движения к одной цели при разных отправных точках. Это объясняется тем, что феномен скифо-

сибирского звериного стиля (а именно о нем, в первую очередь, идет речь) — очень сложное и разновременное явление. Каждая из названных теорий, по сути, фиксирует определенный этап в истории его сложения: центральноазиатская — возникновения; переднеазиатская — оформления; полицентрическая — широкого распространения. В каждой из них есть свои сильные (позитивная аргументация) и слабые стороны, на которые хотелось бы обратить внимание.

Наиболее уязвима с этой точки зрения переднеазиатская теория. Во-первых, согласно ей «отрывается» вопрос о происхождении звериного стиля от двух других компонентов «скифской триады» (оружие и снаряжение верхового коня), не имеющих никакого отношения к Передней Азии. Во-вторых, здесь излишне жестко определена зависимость между событиями политической истории, связанными с периодом пребывания скифов в Передней Азии, и культурогенезом. А это отнюдь не одно и то же. Отсюда неоправданное омоложение начального этапа звериного стиля, что входит в явное противоречие с более ранними датировками по находкам в археологических комплексах, особенно при распространении на Восток.

Центральноазиатская теория снимает все эти противоречия (в самом раннем памятнике здесь — кургане Аржан-1 — уже представлены все компоненты сложившейся «скифской триады»), но именно в силу своих бесспорных доказательств отличается излишней декларативностью. Хотя как истоки всех компонентов РСКК, так и механизм трансляции их на столь далекие расстояния остаются окончательно не выясненными.

Полицентрическая теория как бы намеренно (и это ее наиболее слабое место) отказывается от решения данного вопроса. Так получилось, что практически одновременно в двух весьма удаленных друг от друга местах Великой степи — на севере Центральной Азии, в Туве (курган Аржан-1, раскопки 1971–1974 гг.) и на Дунае, в Болгарии (курган Белоградец, раскопки 1972–1974 гг.) — были открыты два самых ранних элитных погребения кочевых «вождей». При совпадении основных категорий предметов сопроводительного инвентаря (оружие, конская упряжь) в самих типах изделий и характере их декорирования было очень мало общего; кроме того, в Белоградце, как и во всех других «киммерийских» древностях, вообще нет изображений звериного стиля. Пожалуй, единственное, что их объединяет, — это весьма специфические украшения конской узды, сделанные из поперечных спилов клыков кабана, возможно, форма наконечников стрел, но она вообще имела в это время всеобщее распространение.

Между тем каждое культурное явление имеет место своего исхода, дальнейшие условия формирования и распространения. Тем более, когда речь идет не об отдельных культурных элементах, а о взаимосвязанном сочетании их в одном культурном комплексе, каким является РСКК, скорее всего, имевшем не спонтанное, а исторически обусловленное появление. При этом следует иметь в виду два аспекта рассмотрения данной проблемы. Первый — четкое представление, о какой сфере культуры идет речь; второй — как и в каком направлении искомые компоненты РСКК распределяются хронологически, то есть время самой возможности передачи тех или иных культурных традиций.

Любая археологическая культура, начиная с эпохи поздней древности, состоит из трех основных составляющих ее блоков: хозяйственно-бытового, ранжированного и элитарного. Факторы их образования различны и лежат в разных сферах взаимоотношений человека, природы и общества: первый — в географической,

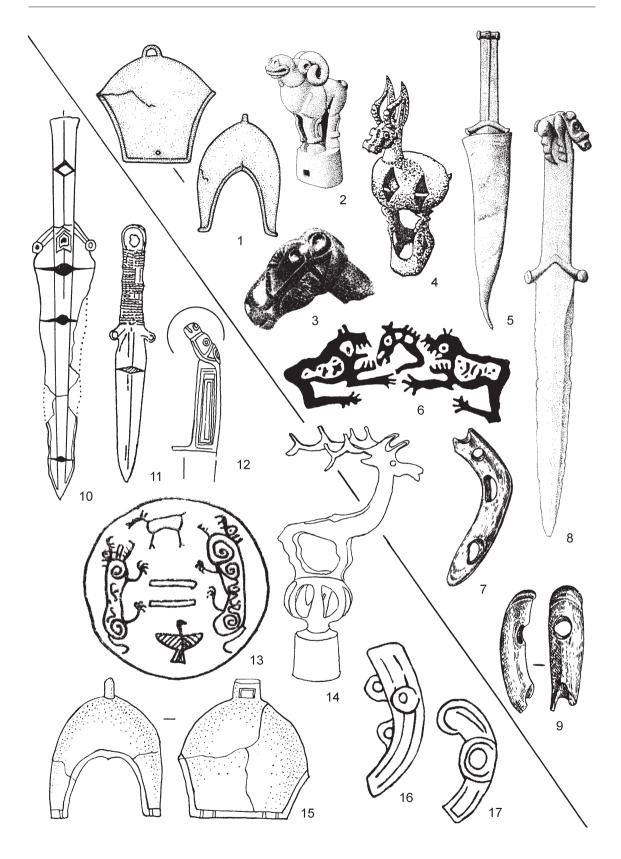
второй — в социальной, третий — в политической. Все компоненты РСКК (оружие, снаряжение верхового коня, звериный стиль и др.) относятся к ранжированному блоку культуры, то есть принадлежат классу людей, занимавших определенное социальное положение. Это атрибуты не этноса, не какой-то одной культурной традиции или эпохальной «моды», а профессиональные принадлежности конных воинов — завоевателей жизненного пространства.

Данное обстоятельство объясняет, почему до сих пор не удается найти непосредственных предшественников РСКК, исходя из обычных представлений о преемственности культурных комплексов. Никак не подтверждается и идея о существовании так называемого скрытого (еще не найденного или не выделенного) начального этапа раннескифского культурного комплекса. Скорее всего, такой предшествующей «протоскифской» культуры просто нет. Как будет показано ниже, РСКК, классическим выражением которого стала «скифская триада», сформировался на определенном историческом этапе из разных компонентов, каждый из которых имеет свой генезис. Значительную роль при этом, несомненно, сыграло соседство Древнекитайской цивилизации (в период сложения РСКК — эпоха Западного Чжоу). Некоторое представление об этом дает сравнительная таблица материалов РСКК и культуры чжоуского Китая (рис. 1).

Типологически самые ранние кинжалы-акинаки с перекрестием «усиками», типа найденных в кургане Аржан-1 (рис. 1, 5, 6), а также в виде случайных находок в Минусинской котловине и в Туве, воспроизводят форму китайских кинжалов эпохи Западного Чжоу, с такими же перекрестиями-«усиками», где они, в свою очередь, имели более глубокую древность (рис. 1, 10, 11). Самые ранние псалии с отверстиями, расположенными в разных плоскостях, появляются одновременно в трех не связанных друг с другом местах: костяные прямые — на юге Западной Сибири (ирменская культура); костяные изогнутые и коленчатые — в Южной Сибири, поздний этап карасукской культуры (рис. 1, 8, 9); бронзовые коленчатые — в Китае, эпоха Западного Чжоу (рис. 1, 16, 17). Учитывая, что освоение верхового коня, как и сложение всего скотоводческого комплекса, было связано с горно-степными

Рис. 1. Сравнительная таблица материалов раннескифского времени Центральной Азии и Южной Сибири (1–9) и чжоуского Китая, эпоха поздней бронзы (10–17): 1 — Монголия (по: Худяков, Эрдэнэ-Очир 2010); 2, 3, 5, 7 — Тува, Аржан-1 (по: Грязнов 1980); 4 — Прибайкалье, Корсуковский клад (по: Зуев, Исмагилов 1995); 6 — Монголия, Ушкийн-Увэр, оленный камень (по: Волков 2002); 8, 9 — Хакасия, Торгажак (по: Савинов 1996); 10, 11 — китайские кинжалы с «усиками» (по: Комиссаров 1988); 12 — чжоуский нож с навершием-головкой лошади (по: Членова 1967); 13 — зеркало из Шаньцуньлина (по: Варёнов 1985); 14 — бронзовое навершие из Юлинфу, провинция Шэньси (по: Ростовцев 1925); 15 — чжоуские шлемы «кубанского типа»; 16, 17 — бронзовые чжоуские псалии (15–17 — по: Комиссаров 1988)

Fig. 1. Comparative table of early Scythian materials from Central Asia and South Siberia (1–9), Zhou China, Bronze Age (10–17): *1* — Mongolia (after Худяков, Эрдэнэ-Очир 2010); *2*, *3*, *5*, *7* — Tuva, Arzhan-1 (after Грязнов 1980); *4* — Baikal region, Korsukovo hoard (after Зуев, Исмагилов 1995); *6* — Mongolia, Ushkin Uver, deer stone (after Волков 2002); *8*, *9* — Khakassia, Torgazhak (after Савинов 1996); *10*, *11* — Chinese daggers with «barbs» (after Комиссаров 1988); *12* — Zhou knife with a finial in the form of a horse head (after Членова 1967); *13* — mirror from Shansongling (after: Варёнов 1985); *14* — bronze finial from Yulinfu, Shaanxi province (after Ростовцев 1925); *15* — Zhou helmets of the «Kuban type»; *16*, *17* — Zhou cheek-pieces of bronze (*15–17* — after Комиссаров 1988)

районами Центральной Азии, можно предполагать, что первичный очаг появления соответствующих приспособлений находился именно здесь. Отсюда происходило их дальнейшее распространение: от центральноазиатских к чжоуским, а не наоборот.

Репертуар образов раннего этапа звериного стиля, по-видимому, складывался из разных компонентов, из которых наиболее «узнаваемы» карасукский (зооморфные навершия ножей и кинжалов); сейминско-турбинский (произведения сейминской металлургии, в том числе художественно оформленные изделия, проникающие далеко на восток); условно китайский (чжоуский) — отдельные изображения стоящих животных, в том числе и на прорезных навершиях-втулках (рис. 1, 14), такие же, как на памятниках раннескифского времени (рис. 1, 2, 4) (подробнее об этом см.: Савинов 2017).

Можно привести аналогичные сопоставления и других элементов РСКК и археологических материалов эпохи Западного Чжоу. Так, чжоуские бронзовые шлемы с «петелькой» (рис. 1, 15) проникают далеко на запад, где уже получили (по находкам в Келермесских курганах) название шлемов «кубанского типа». На промежуточных территориях такие же шлемы найдены на Алтае, в Забайкалье, в Монголии (рис. 1, 1) и считаются одним из показательных индикаторов распространения элементов РСКК с востока на запад. Сцена жертвоприношения лошади с изображением двух хищников на зеркале из Шаньцуньлина (рис. 1, 13) повторяется на оленном камне из Ушкийн-Увэра, Монголия (рис. 1, 6). Изображение головки взнузданной лошади на навершии одного из ножей эпохи Западного Чжоу (рис. 1, 12) почти буквально соответствует резной головке взнузданной лошади (навершие псалия?) из кургана Аржан-1 (рис. 1, 3). Эти и другие возможные параллели ни в коем случае не означают происхождения РСКК из традиций Западного Чжоу, но являются важным свидетельством его формирования в тесном взаимодействии с культурным наследием Древнего Китая, наряду с другими инновациями, по-своему воспринятыми и переработанными в среде соседних кочевых племен.

Скорее всего, контаминация компонентов «скифской триады» и других составляющих РСКК, каждый из которых представлял особенно яркое и социально значимое явление в своей культуре, привела к единовременному (в археологическом значении этого слова) их симбиозу в виде ранжированного блока культуры, без какого-либо предшествующего генезиса в целом. Судя по масштабам курганов Аржан-1 и Аржан-2 (и всей «Долины Царей» — своего рода Герроса у подножия Западных Саян), к началу VIII в. до н. э. в глубинах Центральной Азии сложилось мощное объединение кочевых племен, культурно-знаковым выражением и эталоном которого стала «скифская триада».

В общих чертах можно представить и тот исторический контекст, с которого начался великий исход кочевников Центральной Азии, носителей «скифской триады», на запад. Согласно сведениям письменных источников, в 770 г. до н. э. под ударами кочевников, пришедших с северо-запада, пала династия Западное Чжоу. В источниках эти кочевники названы горными жунами. Государство Западное Чжоу было довольно «рыхлым» образованием, наподобие Хеттской державы, и пало под ударами сильного и хорошо организованного противника. Трудно сказать, откуда точно могли прийти эти кочевники, но вектор их движения указан достаточно определенно: с северо-запада, то есть со стороны Центральной Азии, где и открыты самые ранние памятники носителей «скифской триады». Аналогичным образом начиналась история всех будущих кочевых империй (хунну, древние тюрки,

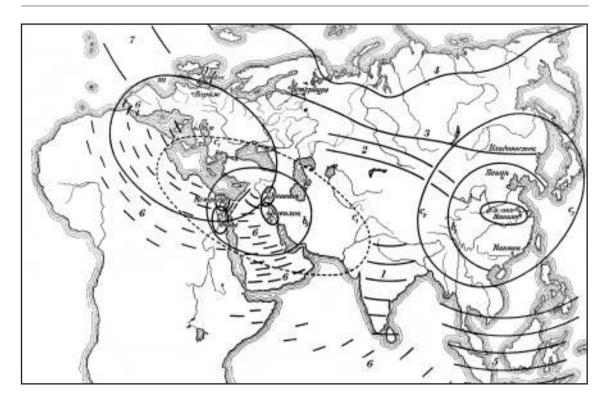

Рис. 2. Культурные круги Евразии эпохи цивилизаций (по: Богораз-Тан 1928: рис. 7)

Fig. 2. Eurasian cultural circles in the Epoch of Civilizations (after Богораз-Тан 1928: Fig. 7)

монголы): сначала для обеспечения прочного «тыла» — завоевание или нейтрализация Китая, затем широкая экспансия на запад.

По вопросу освоения скифо-сибирского культурного пространства существуют разные точки зрения. Однако вряд ли оно носило характер кратковременного — «кавалерийского» — похода, в результате которого скифы появились на северных рубежах Ассирии. Столь же маловероятна миграция крупных масс населения, поскольку развитие культур скифского типа в это же время на Востоке не прерывалось. Каждая культура скифского типа, образовавшаяся на этом культурном пространстве, сохраняла свой хозяйственно-бытовой облик, особенности антропологического типа, своеобразные формы керамики. Единый (или сходный) облик им придают, главным образом, компоненты «скифской триады», выходящие за ареалы отдельных археологических культур и создающие видимость «единства» скифо-сибирского мира. На самом деле это главным образом касается только блока ранжированной (воинской) субкультуры и, в меньшей степени, особенностей погребального обряда, охвативших столь обширные территории.

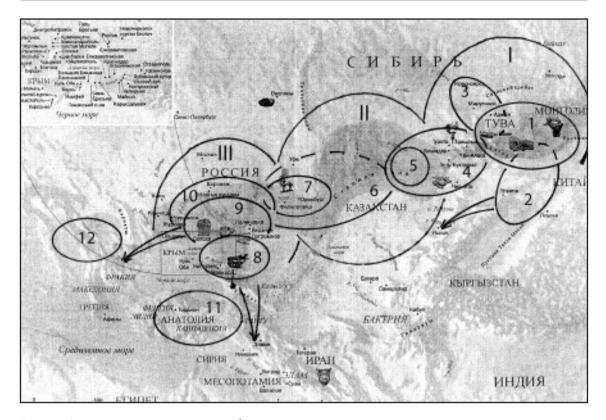
С методической точки зрения подобная динамика распространения единого в своей основе культурного комплекса более всего соответствует идеям диффузионизма, точнее — теории «культурных кругов» в ее историческом контексте. Согласно этой теории в каждом культурном круге имеются генерирующий центр и периферия; внутри более крупных кругов выделяются один или несколько более мелких кругов; на местах их наложения друг на друга образуются контактные зоны; общая последовательность образования культурных кругов отражает динамику стоящих за этим культурно-исторических процессов.

«Скифская триада», как и некоторые другие культурные элементы, могли распространяться подобным образом в определенном социальном слое, скорее всего, вместе с носителями РСКК на очень дальние расстояния. Побудительными мотивами такого распространения могли быть освоение новых пастбищ, война, последовательная смена центров социального доминирования (ставок), захват культурных ценностей, заимствование лучших форм оснащения армии и др. Вместе с отрядами этих конных воинов, естественно, распространялись свойственные им атрибуты и образы, которые затем воспроизводились в русле местных традиций. Этим объясняется как единообразие, так и удивительная вариативность всего предметного и образного мира культур скифского типа. Кочевое скотоводство со всеми реалиями такого образа жизни и общая подвижность населения создавали для этого наиболее благоприятные условия.

Для построения хотя бы приблизительной схемы культурных кругов освоения скифо-сибирского культурного пространства можно воспользоваться замечательной книгой В. Г. Богораза «Распространение культуры на Земле. Основы этногеографии» (изложение университетского курса 1927–1928 гг.) (Богораз-Тан 1928), в которой приведены карты подобного рода для разных исторических периодов и географических зон. Обращает на себя внимание, что на карте древних цивилизаций, где выделяются два основных культурных круга: античный (средиземноморский) и дальневосточный (китайский), — остается «незаполненным» разделяющее их степное пространство, то есть тогда еще не познанный «скифо-сибирский мир» (рис. 2).

Очерчивая круги со «скифской» культурной традицией в их исторической последовательности, можно представить их следующим образом. Всего на скифо-сибирском пространстве выделяются три больших культурных круга: центральноазиатский (I), казахстанский (II) и причерноморский (III) (рис. 3). Эпицентром центральноазиатского культурного круга было Саяно-Алтае-Хангайское нагорье (1), производным от которого были три «малых» круга: восточнотуркестанский (1), Синьцзянский (2), енисейский, Минусинская котловина (3) и горноалтайский (4) с выходом в Восточный Казахстан (5). Отсюда следовал «выплеск» на Тянь-Шань. Восточно-казахстанский круг, в свою очередь, сливается с центральноказахстанским, тасмолинская культура (6), на западе граничащим с савроматским (7). На территории собственно Скифии (большой причерноморский круг) выделяются несколько «малых» кругов: самый ранний — северокавказский (8) и два относительно более поздних — степной (9) и лесостепной (10). От кавказского «плацдарма» происходит «выплеск» на юг, в сторону Передней Азии, образование круга (11). Из степной Скифии — «выплеск» на запад, на Балканы — образование скифо-фракийского круга (12). Таким образом, всего 12 культурных кругов, охватывающих всю территорию скифо-сибирского культурного пространства. Внутри каждого культурного круга и особенно в контактных зонах могли действовать свои механизмы передачи культурных ценностей, обеспечивающие в целом преемственность культурогенеза.

Какое время могло потребоваться для «заполнения» этого культурного пространства? Речь идет только о периоде скифской архаики (от Аржана-1 до Келермеса), то есть время сложения раннескифского культурного субстрата, на основе которого затем сложился ряд локальных археологических культур, имеющих более «длинную» хронологию. Традиционная датировка раннескифского времени — VII–VI вв. до н. э. — сейчас значительно углубилась (до первой половины VIII в. до н. э.) благодаря открытию ранних памятников со «скифской триадой» в восточном ареале

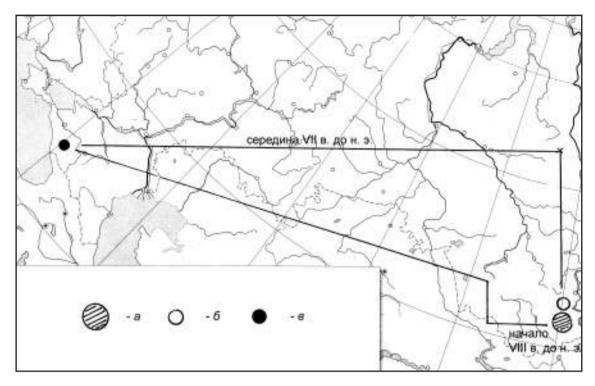
Рис. 3. Культурные круги раннескифского времени, отражающие распространение раннескифского культурного комплекса. Большие круги: I — центральноазиатский, II — казахстанский, III — причерноморский. «Малые» круги: I — алтае-саянохангайский; 2 — восточнотуркестанский; 3 — енисейский; 4 — горноалтайский; 5 — восточноказахстанский; 6 — центральноказахстанский; 7 — савроматский; 8 — северокавказский; 9 — скифский степной; 10 — скифский лесостепной; 11 — переднеазиатский; 12 — скифо-фракийский

Fig. 3. Cultural circles of the Early Scythian time, reflecting the spreading of the Early Scythian cultural complex. Big circles: I — Central Asian, II — Kazakhstan, III — Pontic. «Small» circles: I — Altay-Sayan-Khangai; 2 — East Turkestan; 3 — Yenisei; 4 — Mountain Altay; 5 — East Kazakhstan; 6 — Central Kazakhstan; 7 — Savromatian; 8 — North Caucasian; 9 — Steppe Scythian; 10 — Forest-steppe Scythian; 11 — West Asian; 12 — Scythian-Thracian

Евразийских степей. Используя при этом содержащиеся в письменных источниках даты основных исторических событий, можно представить хронологическое соотношение в этом процессе некоторых наиболее известных археологических памятников.

Опорными датами могут служить (здесь и далее по: Евразия в скифскую эпоху... 2005): на востоке — датировка кургана Аржан-1 в Туве, рубеж IX–VIII вв. до н. э., или 810–770 гг. до н. э.; на западе — датировка Келермесской группы курганов, третья четверть VII в. до н. э., или 660–640 гг. до н. э. (Галанина 1997). Последняя дата на одном хронологическом срезе соответствует времени сооружения кургана Аржан-2 — середина VII в. до н. э. Таким образом, общее время распространения РСКК составляет от 120 до 150 лет, то есть на памяти четырех-пяти поколений (с учетом «скользящей» хронологии по мере заполнения этого культурного пространства) (рис. 4). На этом пути располагается ряд других известных памятников

100

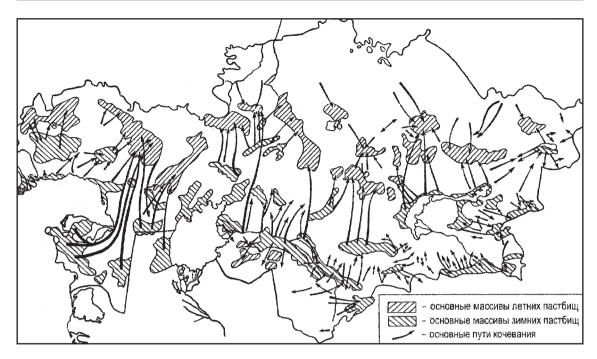
Рис. 4. Хронологическое «заполнение» скифо-сибирского культурного пространства (от Аржана-1 до Келермеса): a — Аржан-1, δ — Аржан-2, δ — Келермес

Fig. 4. Chronological «fill» of the Scythian-Siberian cultural space (from Arzhan-1 to Kelermes): a — Arzhan-1, δ — Arzhan-2, δ — Kelermes

раннескифского времени, относительно одновременных в рамках одного культурного пласта, — Чиликты, Уйгарак, Гумарово и др.

Не исключено, что о тех же событиях рассказывается в «Аримаспейе» (несохранившейся поэме Аристея, сейчас датируемой серединой VII в. до н. э.): жившие на краю света у Рипейских гор (по всей вероятности, горная система Алтая) воинственные аримаспы напали на исседонов; исседоны вытеснили скифов; скифы ушли в киммерийскую землю. В результате (уже по ассиро-вавилонской традиции) сначала гиммири (киммерийцы) в 714 г. до н. э., а затем ашкуза (скифы) в 679 г. до н. э. оказались в северных пределах Ассирии. Считается, что начало этой истории Аристей узнал от исседонов, для которых она была уже историческим преданием, то есть относилась к более раннему времени, предположительно к тому же рубежу VIII–VII вв. до н. э. О достоверности ее свидетельствует то, что Геродот, писавший свою «Историю» в середине V в. до н. э., заимствовал ее у Аристея, но для правдоподобия «вставил» между исседонами и скифами массагетов, ставших известными после гибели у них Кира II в 530 г. до н. э. и действительно обитавших в приаральских степях и в районе Древнего Хорезма.

Однако не следует думать, что все связанные с этим процессы происходили просто последовательно, линейно, от «точки до точки». По всей территории освоенного таким образом культурного пространства (от 1-го круга до 8-го), несомненно, осуществлялись различного рода подвижки населения (внутренние миграции), возникали очаги расцвета и места затухания культурных традиций, могли быть какие-то «скрытые» механизмы оптимальной передачи того или иного вида

Рис. 5. Традиционные маршруты кочевания казахов, совпадающие с местонахождениями археологических памятников раннескифского времени в Северном Казахстане (по: Таиров 2007)

Fig. 5. Traditional migration routes of the Kazakh nomads, coinciding with the location of Early Scythian archaeological sites in Northern Kazakhstan (after Таиров 2007)

изделий и пр. В этом отношении интересны наблюдения А. Д. Таирова (Таиров 2007), сопоставившего распространение памятников раннескифского времени в Северном Казахстане с маршрутами кочевок казахов в конце XIX — начале XX в. (рис. 5). Можно также полагать, что во время проведения осенне-весенних праздников, традиционно принятых у скотоводов, происходил обмен культурными ценностями, в том числе новейшими достижениями в области вооружения и др., передаваемыми таким образом (без непосредственных носителей) на далекие расстояния. Не исключено, что это одно из возможных объяснений археологической «неуловимости» распространения элементов «скифской триады».

Сопоставляя все приведенные выше материалы и источники по истории и культурогенезу раннескифского времени, можно ответить на вопрос, поставленный в заглавии настоящей статьи: какие доминанты должны преобладать в формировании скифо-сибирского культурного пространства? Судя по всему, очередность должна быть следующей: в первую очередь это движение людей; вместе с ними распространение идей; и уже от них воспроизводство всех элементов РСКК, то есть вещей.

Литература

Богораз-Тан 1928 — *Богораз-Тан В. Г.* Распространение культуры на Земле. Основы этногеографии. М.; Л.: Госиздат, 1928. 314 с.

Варёнов 1985 — *Варёнов А. В.* Древнейшие зеркала Китая, отражающие этнокультурные контакты // Васильевский Р. С. (отв. ред.). Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск: Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, 1985. С. 163–172.

102

Волков 2002 — Волков В. В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 247 с.

Галанина 1997 — *Галанина Л. К.* Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М.: Палеограф, 1997. 316 с.

Грязнов 1947 — *Грязнов М. П.* Памятники майэмирского этапа ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. 1947. Вып. 18. С. 9–17.

Грязнов 1980 — *Грязнов М. П.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 62 с.

Евразия в скифскую эпоху... 2005 — Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология: Коллективная монография / Зайцева Г. И. и др. (науч. ред.). СПб.: Теза, 2005. 290 с.

Зуев, Исмагилов 1995 — *Зуев В. Ю., Исмагилов Р. Б.* Корсуковский клад // Савинов Д. Г. (ред.). Южная Сибирь в древности. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 67–75 (АИ. Вып. 24).

Комиссаров 1988 — *Комиссаров С. А.* Комплекс вооружения Древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск: Наука, 1988. 120 с.

Ростовцев 1925 — *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.: РАИМК, 1925. 320 с.

Савинов 1996 — *Савинов Д. Г.* Древние поселения Хакасии. Торгажак. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. 104 с.

Савинов 2017 — *Савинов Д. Г.* Нуклеарное искусство звериного стиля // КСИА. 2017. Вып. 247. С. 28–49.

Таиров 2007 — *Таиров А. Д.* Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. Челябинск: Изд-во Южно-Уральского ГУ, 2007. 277 с.

Худяков, Эрдэнэ-Очир 2010 — *Худяков Ю. С.*, Эрдэнэ-Очир Н. Бронзовый шлем — новая находка в Монголии // АЭАЕ. 2010. № 1 (41). С. 53–60.

Членова 1967 — Членова H. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.

TOWARDS THE THEORY OF FORMATION OF THE SCYTHIAN-SIBERIAN CULTURAL SPACE

D. G. SAVINOV

Keywords: Scythian culture, Early Scythian cultural complex, chronology, weaponry, ridinghorse harness, animal style, cultural circle.

The problem of formation of the Scythian-Siberian cultural space still has no clear solution. The author proposes the following hypothetical reconstruction. The origins of the Scythian cultural complex is connected with the deep inland areas of Central Asia and North China, where there are known typological prototypes of most of its constituent elements. The spreading of the full-fledged Early Scythian cultural complex is considered within the frameworks of the «cultural circles» theory. Ten cultural circles are identified: three big circles (Central Asian, Kazakhstan and Pontic) and seven small ones. The period of their formation spans 120–150 years of the history of Steppe Eurasia. The carriers of the main elements of the Scythian cultural complex, including the famous «Scythian triad», were groups of armed riders; hence the existence of a number of Scythian type cultures, which filled the Scythian-Siberian cultural space.